

Начало рассвета

...Я видел начало рассвета.
Подумалось вдруг: неспроста!
Когда-нибудь наша планета –
Как солнце – восстанет чиста
От скверн и напастей суровых,
Морщинящих нынешний лик.
Я рад, что мне выпало словом
Служить воскресенью Земли.

Цыганские корни

Во мне живёт цыганский вольный дух,
Доставшийся душе моей от предков.
И потому пришедшую беду
Иронией я провожаю едкой.

Люблю, когда за праздничным столом
Звучат за здравье пламенные тосты.
И посиделки за большим костром,
И... поздние свои походы в гости.

И Богу благодарен всей душой
Я за такое генов столкновенье,
Которое светло и хорошо
Живёт во всех моих стихотвореньях.

* * *

Позолотой кленовых веток
Заявил о себе закат.
Крыши солнцем уже отогреты.
Миновал переменчивый март.

Углубилось вечернее небо,
Словно море в прилива час.
И крупницы солнца – как хлеба –
Остаются в руках у нас.

* * *

Братишка Тютчева читает,
Не глядя в книжку.
Наизусть.
Куда-то сразу пропадают
Гнетущих дней тоска и грусть.
«Всё вторит весело громам», –
За ним негромко повторяю,
А после тише добавляю:
«Громам весны,
А не войны».

Автору, не желающему говорить с деревьями

Прочистите уши,
Мой старший коллега,
Чтоб слышать дыхание
Первого снега.

Прочистите сердце,
Крутой литначальник,
Чтоб слышать берёз
Вековые печали.

Заставить деревья,
Вы правы, –
«Не можно»,
Но, кажется, здесь
Затаилась оплошность.

Вы просто, оглохший на сердце и ухо,
Не терпите всех с неиспорченным слухом.

Вопрос вопросов

Мельхиор фонарей,
фиолетовый сумрак вечерний.
Крона тополя выжала неба широкую штангу.
Где-то старый священник
закончил беседой вечерню,
Где-то в дальнем ДК отзвучала мелодия танго.

Я стою в тишине.
Я контужен стремительным ритмом
Этих дней, что вместили в себя
полдесятка эпох.
Главный Мастер, скажи,
сколько мне ожидать Маргариту,
Главный Мастер Вселенной моей,
в просторечии – Бог?

Я уже не боюсь ничего, кроме как не увидеть
Торжества изречённого слова идущих за мной.
Или в чём-то не прав?

Или грешен?

Какое же «или»

Ты услышишь сквозь темень,
что вся налита тишиной?

Мельхиор фонарей,
фиолетовый сумрак вечерний,
Старый клён по-есенински
мне улыбнётся тихонько.
Знать, ответ будет скоро.
Когда – не имеет значенья.
Ведь уставшей душе
всё же стало чуть менее горько.